

18+

Дарина
Стрельченко

Без правил (Эксмо)

Дарина Стрельченко

Исчёрканная

«Эксмо»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Стрельченко Д. А.

Исчёрканная / Д. А. Стрельченко — «Эксмо», 2026 — (Без правил (Эксмо))

ISBN 978-5-04-248279-3

Маргарита пытается начать сначала – после колонии и прошлого, которое уже никуда не денется. Иляна, слишком умная для своих двенадцати лет, живёт там, где ей совсем не место. Мирра – инспектор по делам несовершеннолетних, которая должна защищать детей. Но что, если правила не работают? В обществе, где взрослые заняты выживанием, а система – отчётами, остаётся только впрягаться друг за друга. Вот разве что спасти других бывает опасно, особенно если сам держишься едва-едва.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-04-248279-3

© Стрельченко Д. А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

1	6
2	8
3	12
4	20
5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дарина Стрельченко

Исчёрканная

Всем отчаянно смелым.

Всем смелым мудро и вдумчиво. Всем бесстрашным и ведущим за собой. Всем, кто ещё только учится принимать ответственность, выбирать, думать и действовать

© Дарина Стрельченко, 2024

© Издание, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026.

Soda Press

Cover art © by Evangeline Gallagher, 2025

1

Гляибля

В школе их называли Галевали. Маргарита звала их Гляибля. Гляибля сидели на подоконнике, солнце светило им в спины. Контур был ярким и чётким, такая картинка могла бы стать хорошей татуировкой. Само собой в голове сложилось название: «Мои врагини». Галя курила, Валя бесконечно обновляла свою стену ВК. Галя улыбалась и шурилась как кошка, её светлые волосы отливали на солнце платиной. Из раскрытого окна пахло весной, кленовые ветки царапали стёкла. Заметив Маргариту, Галя прикрыла левый глаз и окликнула Валью:

– Глянь, кто выполз.

Валя оторвалась от телефона и засмеялась. Смех у неё был красивый: мягкий и звонкий. Галя тоже засмеялась – рассыпчато и резко.

– Ри-ита, – протянула она. – Покуришь с нами?

Внутри у Маргариты всё сжалось. Стремительно и привычно вскипели ярость и страх. Как обычно, победило «не лезь». Тебе же хуже. Ты уже столько раз огребала – мелкая и слабая. Их не победить, не осилить. Уйди.

Она прикинула расстояние до двери кабинета. Если рвануть прямо сейчас, пока они расслабленные, – проскочит. Маргарита рванула. Не рассчитала. Галя рывком подвинулась, опустила ногу, и Маргарита, запнувшись об неё, повалилась вбок и ударилась о батарею. Сквозь искры из глаз заметила, как Галя спрыгнула с подоконника. В ушах затрещало, а в нос шибануло табачное Галино дыхание. Рука с розовым браслетом мелькнула перед лицом, схватила за волосы и дёрнула вверх. Маргарита закричала, и Валя соскочила с подоконника, чтобы прикрыть их от учителей, которые могли заглянуть в коридор на перемене.

– Ну вот, может, хоть прояснится в голове, – встряхивая Маргариту, хмыкнула Галя. – Может, уяснишь своё место, нищевродка тупая, наконец-то. Я тебе сколько раз говорила: не вылезай, не пугай народ.

Голова моталась, всё прыгало перед глазами. Маргарита стояла на четвереньках, и вырваться из Галиной хватки не получалось.

– Как же от тебя воняет, а! В твоей дыре всегда такой запах или только когда папаша приходит? Валь! Позови Марата, надо её помыть.

В ушах шумело, Галины слова доходили с задержкой, как сквозь помехи. Кожа на затылке горела – от удара и от того, что Галя тянула и тянула за волосы. Перед глазами поплыли огненные круги.

– Как мыть будем? – где-то наверху деловито уточнила Валя. – В раковину не влезет.

– Чего надо? – лениво выглянул из кабинета Марат.

– В унитаз окунём, – решила Галя. – Маратик, не тормози! Ну!

Маргарита забрыкалась, но Марат заломил ей руки. Галя продолжала держать за волосы, голову пришлось наклонить, чтобы не тянуло так зверски. Теперь Маргарита видела исцарапанный линолеум и слетевший с косички краб. Потом Галя отпустила волосы, а Марат потащил её в сторону туалета. Краб исчез, линолеум продолжился. Маргарита замычала, упираясь и дёргаясь.

– Да заткнись ты!

– Сейчас хлебнёт водички из унитаза и заткнётся. Давай, Маратик!

Маргарита извернулась и укусила Марата выше колена. Вряд ли ему было больно сквозь джинсы – скорее разжал пальцы просто от неожиданности. Маргарита по инерции рухнула вперёд, выставив руки. Схватила за затылок. Волосы были липкими, от макушки растекалась острая и горячая боль.

– Не хочешь мыться? – участливо спросила Галя.

– Ах ты сучка мелкая, – процедил Марат, растирая место над коленом, – зубы как у щуки!

– А я уже мыло нашла, – расстроилась Валя.

– Может, тебе и рот вымыть? С мылом?

Галя вернулась на подоконник, смотрела снисходительно. Было хорошо видно белые ниточки – шрамы у неё на лице. Длинными ногтями Галя стучала по наслоениям краски: трык, трык, трык. Теми же ногтями, которыми расцарапала Маргарите спину, когда в раздевалке перед физрой стягивала с неё лифчик. Трык. Трык.

Зазвенел звонок. Маргарита, пошатываясь, поднялась.

– На черчение торопишься? – ухмыльнулась Галя. Затянулась, потушила сигарету об облупленный подоконник. – Ничего, мы недолго. Маратик, смотри, не провоняй от неё, пока моем.

Затылок горел. Рывками, проталкивая по сосудам кровь, стучала ярость. Её было меньше, чем страха. И боли тоже было меньше. Но Маргарита сделала шаг, в затылке выстрелило, и боль и ярость соединились – слились с кислой грубой тряпкой из подсобки, с гаденькими усмешечками, с харчками на парте... Сплавилась во что-то. Маргарита плохо осознавала, что делает. Не понимала даже, что низкий утробный звук, который она слышит, – её рёв.

– Куда это наша мразотка рванула?

Она двинулась вперёд, ускоряясь и тяжелея. Галя болтала ногой в лакированной туфле. Маргарита добралась до неё в один скачок – может быть, поэтому никто не успел ничего сделать.

– Эй! Ты чё?

Холодная рисовая каша в волосах, разлитое в кеды пиво, хохот... Тетрадь «Потрогай Риту» с подсчётом очков. Как она размахивала руками, отбиваясь...

Нелепо, позабыв сжать кулаки, Маргарита толкнула Галю ладонями – в плечо и в грудь. Неумело, со всей силы. Галя покачнулась. Маргарита очень долго смотрела в её расширившиеся глаза, успела даже скосить взгляд на зажатую в пальцах сигарету, прежде чем Галя повалилась назад. Взмахнула руками, тихонько ахнула и исчезла за подоконником. Мелькнули юбка, колготки, ноги в лаковых туфлях.

Заверещала Валя. Кто-то закричал в коридоре. Маргарита стояла, так и не опустив руки. Колотилось сердце – как будто она петляла по школе, убегая от Гляибля, – и стучало в ушах. Она ватными пальцами взялась за край подоконника, выглянула наружу.

Снег во дворе давно растаял. Галя лежала на сухом асфальте, поверх надписей, которые каждый год оставляли выпускники. Под ней расплывалось красное пятно, и она не шевелилась.

2 Змея

Минута, в которую Маргарита смотрела на выпавшую из окна Галю, оказалась последней, когда время шло нормально. Дальше оно то растягивалось, то сжималось крепко и наглухо, чтобы потом выстрелить очередью лиц, событий и слов.

– Приговорить к четырём годам воспитательной колонии.

На голову будто обрушили ведро воды. Вода залилась в глаза, в уши и в нос и не уходила. Маргарита ничего не могла сказать. Зашёл конвой, и её повели куда-то. Перед глазами всё лежала на асфальте Галя. Нет, не может этого быть. Не могла она такое сделать. Нет, нет. Да нет же!

Мама не пришла ни на первый суд, ни на второй. На первом Маргариту приговорили к заключению в ВК 116/53 за непредумышленное убийство. На втором было что-то ещё, она не запомнила. Она пыталась объяснить им всем: «Я не специально это. Вернее, специально, но я не думала, что так кончится... Она доводила меня, конечно, но не могла же я нарочно выбросить из окна человека! Я не хотела её убивать!

Да как вы не понимаете, не хотела, мне так страшно, когда я об этом думаю, а оно само думается, я пытаюсь выключить, а оно не выключается, Галя постоянно перед глазами: одна туфля слетела, рот открыт, и волосы в рот попали... Выключите, выключите это, пожалуйста!..»

Никто ничего не выключил. Оказалось, Маргарита ничего из этого не говорила вслух. Только видела и кричала молча.

Потом её определили в карантин. Две недели. В голове всё билось – Гляибля.

– Никаких глупостей, поняла? Попадёшь в СИЗО – на УДО не рассчитывай. А так можешь написать ходатайство уже через год. – Это сказала соцработник, прежде чем Маргариту забрали в карантин. Мила? Мирра? Маргарита запомнила только, что и в имени, и в отчестве было много «рг», «гр». – Не бросай школу ни в коем случае, попробуй устроиться помощником на кухню или разнорабочей. На руки деньги не получишь, но накопишь сколько-то.

Гляибля. Галя не отступала от неё ни на шаг, хохотала в ухо.

В СИЗО Маргарита решила, что сходит с ума. Куда её привезли? Камера была маленькая, внутри никого, но всюду вода. Временами казалось, что вода поднимается внутри и снаружи, затапливает её, как гнев, как ярость на Галю, из-за которой она тут, как отчаяние и бессилие, как злость на маму, которая привела отчима, которая выбрала его, оставила Маргариту одну со школой, с этой позорной тетрадью, с Галей, Валей... Гнев топил Маргариту, она задыхалась в нём.

А потом её отправили в другое СИЗО, и там были ещё люди, кто – она не помнила. Приехала знакомая соцработник – всё-таки Мирра, не Мила. Мирра Григорьевна. Мигрень. Сказала, что всё будет хорошо. Как всё могло быть хорошо, Маргарита не понимала, но крутила и крутила до тошноты, теряя чувство реальности: что было бы, если бы она не бросилась к кабинету тогда? Если бы не вырвалась от Марата, не толкнула Галю? Пусть бы просто ударила. Пусть бы от всей души вмазала, зубы выбила, протащила бы по полу, как они сами с ней делали! Но не вытолкнула... Не убила... Но она убила. Она теперь вот уже несколько недель как убийца. Как те мужики из фильмов. Как маньяки из книг. Как отсидевший отчим. Она такая же. Как эта соцработник может говорить, что всё будет хорошо, если Маргарита – убийца? Это как постоянный пожар внутри, постоянный чёрный огонь, разъедающий, скручивающий, его не потушить, он ничего не даёт, он жить не даёт... Везде вода, но она не может это заглушить, Маргарита тонула и задыхалась одновременно, и это длилось, длилось, она так

ждала, что наступит конец, но его не было, дна не было, был ужас без конца, эта выгрызающая внутренности вина, и злоба, и ярость на себя и весь мир, и опустошение, и тоска, и желание только опуститься наконец на дно, зарыться в ил и сдохнуть, чтобы не чувствовать.

Нельзя было всплыть. Там, вверху, был мир для нормальных. Как всё может быть хорошо после такого? Как?!

А потом была девочка, которую прикрепили к Маргарите на десять дней, чтобы она поняла, что и как. Худая, светловолосая, с глазами-блюдцами. «Птичьи косточки» – так мама говорила про худых. Когда-то. В той жизни. Мама так и не пришла ни разу, только письмо потом передала через Мирру, сильно, сильно позже.

В строю, глядя в чей-то затылок, Маргарита шла куда нужно. Шла, шла сквозь дни, пока в какой-то момент не обнаружила, что вокруг гулкий прохладный зал столовой. Стояло эхо от стука ложек, пахло супом. Рядом, отодвинув скамейку, села Галя. Маргарита в ужасе отшатнулась. Убежать было нельзя. Только отвернуться.

– Ешь давай. Ты ж совсем как скелет! Маргарита, ешь, говорю!

«Птичьи косточки» села с другой стороны, и Галя ушла. Ушла! Маргарита, чувствуя, как выпрыгивает сердце, никак не могла вспомнить имя соседки. На нашивке было написано: «Е. Мегрец».

– Ешь. Тут съедобно готовят, бывает хуже. – Соседка словно прочитала её мысли, напомнила: – Я Лена. Я с тобой буду.

Маргарита с ужасом ждала, что Галя вернётся. Но Гали не было – ни днём, ни вечером. Только ночью она караулила у двери, но не могла подойти, потому что на её пути спала Лена. Маргарита не понимала, как худая спящая Лена может не пускать хохочущую сумасшедшую мёртвую Галю, но она как-то это делала. Маргарите было неважно – как. Она вцепилась бы в Лену, не отпускала бы, если б могла. Но был режим, и было нельзя. Она свернулась под одеялом, стараясь стать незаметней, сунула под подушку изгрызенные до мяса ногти и приготовилась к очередной порции кошмаров, к дурной бесконечности, где она из ночи в ночь, из сна в сон толкала Галю в окно. Но в эту ночь Галя так и не смогла к ней пробраться.

Несколько дней спустя Маргарита оказалась в большом помещении вроде класса. Она долго смотрела на листок с заданием, не понимая, что от неё хотят. Потом вспомнила слова Мирры про школу, и ещё Лена объясняла, что будет какой-то тест. Она взяла ручку, это пробудило воспоминания: крошки от мела на ногте, листок в клеточку, «Потрогай Риту». Но всё это было как сквозь запотевшие стёкла. Маргарита придвинула лист, стала что-то считать, складывать и вставлять буквы.

Её зачислили в восьмой класс, вместе с девушками, у которых сланцы были из разных пар и почему-то разных цветов.

Позже Маргарита узнала, что классы собирают не по возрасту, а по уровню знаний.

– Тут храм есть. Можно в колокола звонить, – сказала Лена, когда шли из школы. – Ещё можно профессию получить. Успеешь выучиться на пекаря, например.

– Успею? – тупо спросила Маргарита. – До чего?

– До выхода, – объяснила Лена. Навстречу шли девушки сильно старше, наверно под восемнадцать, – все в татуировках. Лена рассказала, что такое делается легко: достать из тетрадки скобку, заточить, впаять над огнём в ручку. Поджечь пластмассу. Сажа скопится на стекле, потом нужно её смешать с шампунем, и будут чернила. Выбираешь рисунок, ищешь мастера. Партак¹ готов.

– Ты-то откуда знаешь? – равнодушно удивилась Маргарита. Лена была чистенькая, белокожая, без единой татуировки. А мысли в голове толпились, как мутные пузыри: Галя на подоконнике, надписи под окном на асфальте – тоже почти как татуировки. Очень страшно было,

---

¹ Партак – самодельная татуировка.

что Галя подойдёт близко. Она маячила на краю сознания, бродила по двору, но, когда рядом была Лена, не совалась.

– Ижка рассказала, – ответила Лена, но Маргарита не слышала сквозь гомон воспоминаний.

Гляибля. Гляибля. Гляибля.

– Ты старое-то забудь, Маргаритка. Смотри тут никого из окна не выкини. Забуди старое и учишься уже какие-то взрослые движения делать. – Это ей велел кто-то из старших в школе. Раньше она бы взъелась на «Маргаритку», но теперь было всё равно, лишь бы не Рита. Её тут почти все звали Маргариткой. Нормально.

Если поднять голову во дворе, можно было увидеть берёзы, стены, вышки и колючую проволоку. Низкое и плоское небо наблюдало, как одни люди стерегли других. Иногда Маргарите казалось, что на стене сидит и вытирает кровь Галя.

В проволочном загоне возле школы жили куры – как будто тюрьма в тюрьме. За ними нужно было ухаживать: класть золу и гравий, мыть курятник щёткой с уксусом – это называлось «психологическая адаптация». В библиотеке стояло собрание сочинений Джека Лондона в чёрной обложке – Ленино любимое. С первого дня Маргарите запомнилась масляная краска на стенах. Ещё скрипучий пол, вытертая дорожка между кроватями. Кухня. Капуста. Девочки классом младше, которые не знали, что «а», помноженное на «2», равняется «2а». Позже Маргарита не понимала, почему из всего этого: курицы, Джек Лондон, кухня – крепче всего в память врезалось «2а».

– Пусть это будет самое плохое, что с тобой случилось, – сказала ей как-то перед отбоем Лена. – Дальше будет лучше.

Можно было звонить по стационарному телефону четыре раза в неделю. Кто-то раз за разом клал трубку прямо перед Маргаритой, и она запомнила у звонившего татуировку-пластырь на запястье. Она не знала, кому позвонить.

Примерно через неделю в швейной мастерской она не успела дошить наволочку вовремя. За это весь отряд заставили читать правила внутреннего распорядка вместо кино. Потом с ней опять говорил кто-то из старших:

– Ты так больше не делай. Веди себя хорошо. Ты нас не подставляй. Тебе же надо выйти отсюда с хорошей характеристикой, да?

Всякий раз, когда Маргарита выглядывала во двор, внизу чудилась Галя. Она пролежала на асфальте всё лето и почти всю осень. В октябре выпал снег, и асфальт исчез. Ещё Маргарита заметила, что всё внутри выдохлось. Было темно, пусто, но больше не жгло. Почти не жгло. Теперь только чугунный шар катался где-то в груди и в мозгу: ты убийца. Взяла и человека убила. Если вставать, ходить, говорить аккуратно, не тревожа шар, – можно было жить. Маргарита плыла, как в тумане. Не хотелось ни видеть, не чувствовать, хотелось забраться в нору, чтоб не трогали, но так было нельзя. Приходилось оберегать шар, чтобы он не разорвал, не разбил её изнутри.

– Если будешь на баланде, там малина растёт, пусть собирают её для компота. Слышишь? На баланду иди. Ну на кухню! – Это снова кричала Лена. На самом деле она спокойно рассказывала, но Маргарите казалось, что голоса до неё добираются сквозь что-то рыхлое, влажное, и нужно кричать, чтобы было слышно. А Лена была полупрозрачная, совсем тщедушная, не всегда могла докричаться. И про малину Маргарита толком не слышала. Вода всё не уходила, и она жила под тёплой толщей, отвечая невпопад, с задержкой, почти не чувствуя голода. От этого резкие повороты казались плавными. Маргарита скользила по ним, как по ледяной горке, как по кольцам змеи. Прошло бесконечное, жёваное, зажатое время, прежде чем она услышала вдруг:

– Эй, Маргаритка, тату хочешь? Змею набыю.

Укол скобкой. Кровь. Боль. Шар взорвался от крика, Маргарита вынырнула из-под воды и сказала:

– Хочу.

3

Пластырь

– Всё очень просто, – сказала Лена, вытаскивая из-под досок лопату. – Предельно. Есть пропасть. Есть шар, который в неё катится. И есть чудо.

Лена не удержала скользкую лопату и уронила. Маргарита не успела подхватить, и на грохот выглянула надзирательница. Лена крикнула:

– Всё в порядке, Мария Ивановна! Просто лопата упала.

– Зачем вам лопата?

– Мы яблони будем сажать.

Мария Ивановна убралась обратно в каморку. Лена дождалась, пока там забормочет телевизор, поправила съехавшую косынку и продолжила:

– Чудо приходит в самый последний момент. Это классика жанра, сюжет Пасхи.

Маргарита не очень помнила, в чём сюжет Пасхи, но перебивать не хотелось. По тесному внутреннему двору гулял ветер, было зябко. Она плотней запахнула куртку, машинально проверила, на месте ли нашивка с фамилией. Лена подняла лопату и сунула ей в руки:

– Пошли.

Сама она взяла тяпку и лейку. Расстегнула куртку и вытерла лоб. Пока они тащили инструменты, Маргарита гадала, какое кино сейчас смотрит отряд. Особого смысла в этом не было: она всё равно не там, с ними, а здесь, с Леной, – прёт на себе лопату. Но она бы и не такое пёрла, лишь бы не оставаться одной. Там, в отряде, можно было оказаться одной даже среди тридцати человек. Там всё ещё могла подобраться Галя. Здесь, с Леной, безопаснее. После всего, что осталось в школе, после оглушённости первых недель в колонии знать, что ты с кем-то... ну, как когда мама в детстве прощала, переставала ругаться. Даже нет, сильнее. Быть с кем-то значило быть защищённой от себя. С кем-то, кто знал, что ты убийца, и всё равно звал сажать яблони.

Маргарита не могла представить, что Лена тоже убийца. Что она покалечила кого-то, или ограбила, или обманула. Была уверена, что Лена попала сюда случайно. Но Лена ничего не рассказывала.

Над головой, в рамке из колючей проволоки, бежали тучи. За углом хозблока Лена остановилась и посмотрела в небо.

– Надо успеть до дождя, а то потом в грязи придётся барахтаться.

– Где копать? – спросила Маргарита, прислоняя лопату к забору у курятника. Закачала брезентовые рукава – из-под правого выглянула змея. – И что насчёт чуда-то?

Лена ногой раскидала камешки, ткнула носком ботинка в четыре места.

– Тут. Тут. Вот тут и вот тут. Минимум на расстоянии метра. По поводу чуда... – Она снова задрала голову, рукой нащупала черенок лопаты. – Ну, в последний момент – в смысле, тогда, когда уже без чуда никак. То есть ты сделал всё, что мог. Вот просто всё. А зло оказалось сильнее. И вот в этот момент происходит чудо. Но только с условием, что ты реально сделал всё, что мог. Совсем всё.

– Сурово, – буркнула Маргарита, отбирая у Лены лопату и втыкая остриё в землю. – Блин, как камень! Мы сто лет копать будем. Может, всё-таки дождя подождём?

– Я ж тебе только что объяснила, – с досадой сказала Лена. – Чудо – только когда ты приложил все усилия. Какое, извини, пожалуйста, чудо к тебе придёт, если ты просто дождёшься подходящих условий?

– Я дождусь дождя, и мне не надо будет чуда. Я буду просто копать.

Лена посмотрела на Маргариту, как смотрела на мелких, которые воровали диски с фильмами из комнаты отдыха. Вдохнула:

– Рита, я же не заставляю. Ни копать, ни слушать меня. Ты сама предложила. И сама спросила.

– Маргарита, – поправила она, и что-то ёкнуло: вдруг оттолкнёт Лёну резкостью?

– Прости. Прости, Маргарита. – Лёна улыбнулась, задумчиво посмотрела, будто приглашала рассказать, что не так с кратким именем. Маргарита качнула головой, раздражаемая раздражением на себя, на Лёну, на эту каменную землю и тупую лопату, на орущих ворон и маленькие кривые саженьцы, которые привезли Ленины родители к её дню рождения. Жалко, что нельзя было их увидеть. Любопытно, Лёна в отца или в маму такая тонкокожая, уязвимая, какая-то совершенно непроницаемая? Упертая в свои принципы, как осёл...

– Лёна, я правда не понимаю. Окей, чудо, Пасха, всё остальное. – Маргарита ещё раз ткнула лопатой в землю. – Но тут же совсем другая история. Тут просто здравый смысл.

– Ты не так смотришь. – Лёна забрала лопату, снова поправила под подбородком косынку. – Ты смотришь только в сейчас. А надо в дальше.

– Я дальше конца срока не вижу. А до конца каждый день одинаково.

Лёна улыбнулась:

– Чудо может прийти, когда, например, три яблони не приживутся, но четвёртая приживётся. Или если летом будет сухо, и они почти-почти засохнут, но всё-таки не засохнут. Или когда нас тут не будет, и они почти-почти погибнут, но всё-таки не погибнут, потому что кто-то решит ухаживать за ними вместо нас.

Маргарита закатила глаза, взяла лопату и со всей силы вонзила в землю. Лопата ушла едва ли на пару сантиметров. Маргарита надавила подошвой.

– Тут трава просто дикая. Сухая и цепкая. И камни.

– Надо сначала выполоть, – согласилась Лёна, взяла тяпку и встала на колени. Маргарита опустилась на корточки рядом, стряхнула с Лениной спины щепки – видимо, нацепляла в каморке, где хранились лопаты. Стали полоть. Шумел ветер, из окна комнаты отдыха доносились голоса и музыка. Маргарита вспотела, под ногти забились земля, в рот и в глаза – пыль. Лёна, напевая, дёргала осот и пырей.

– Что ты там поёшь такое?

– А... – Лёна смутилась. – Тебе не понравится.

– Да уж скажи, раз поёшь.

Косынка у Лёны совсем съехала, узел оказался где-то под щекой. Волосы выбились, их трепал ветер. Зажёгся прожектор на вышке, и в этом свете у Лёны на носу заблестели веснушки – как гречневая шелуха.

– Я потом скажу. Я спою тебе, ладно? Утром.

Они так и не выкопали ямки под саженьцы, только убрали траву. Решили вернуться завтра, но на следующий день хлестал дождь, отменили даже прогулку – нечего было и пытаться отпроситься во двор в личное время. Тогда Лёна предложила:

– Пойдём в библиотеку?

– Иди. Я щас.

Маргарита взяла у дежурной иголку с ниткой – надо было зашить штаны. Когда вошла в библиотеку, Лёна уже сидела у окна со старой гитарой.

– Я спою. – Услышав, как хлопнула дверь, Лёна подняла голову. – Но ты, пожалуйста, не смейся.

– Твоя, что ли, песня? – уstraиваясь поближе к лампе, спросила Маргарита.

– Нет. Но всё равно. – Лёна погладила деку, всю в отпечатках пальцев. – Ну... слушай.

Какое-то время она перебирала струны. В библиотеке пахло старыми книгами, трещала лампа. Лёна начала наконец тонким срывающимся голосом:

*Так давно, что даже боль
Моя превратилась в тень,
Никаких вестей².*

Маргарита прислушивалась из вежливости, вычлняя из гула на улице стук дождя и карканье ворон. Зашила штаны, покосилась на кое-как державшуюся нашивку у Лены. Отложила нитки и сама не заметила, как начала слушать по-настоящему, ловя слова, чего-то смущаясь. Что-то задевало в этой песне: то ли Ленин голос, то ли безнадёжное одиночество, от которого внутри самой мелодии был впаян какой-то медикамент. Маргарита слушала и вспоминала, как однажды разодрала кожу на коленках в клочья, а потом бабушка меняла пластырь, и было сначала больно, дёргалo по колену, по всей ноге до кончиков пальцев, а потом, с новым пластырем, приходила прохлада и немножечко утихала боль.

*Так давно, что даже тень
Твоя превратилась в сон —
Как на коже соль.*

Лена пела как-то так, что это было невыносимо и притягивало одновременно. Маргарита не понимала, хочется ей подпевать, или спрятаться, или отвернуться, или, наоборот, запомнить и слова, и голос. Она подалась вперёд, что-то упало, и она вспомнила, что держала на коленях штаны.

– Может быть, тебе покажется, что она странная, – сказала Лена, не прекращая перебирать струны. – Но, я думаю, эта песня – как будто вслух признаться, как мне страшно и одиноко. Никто в мире не может сказать, кончится ли это, права ли я. Но вот песня может. И говорит. Здорово, да?

Маргарита кивнула, прислушиваясь к эху. Попросила взглядом: дальше.

* * *

Всю неделю лил дождь, двор превратился в месиво. Потом ударили холода, земля замёрзла и затвердела. Никто не сажает яблони в холода – и Маргарита с Леной тоже не стали.

К тому же Лена решила поучиться на пекаря. Она, наверное, пошла бы и в местную самодеятельность, от принудительных концертов которой у Маргариты раскалывалась голова, и в токарную мастерскую, если бы такая была. Но в женской ВК³ были только кексики – учёба на пекаря. А в самодеятельности были одни активистки⁴, которых Лена обходила по дуге, морщась. Оставались только кексики.

– Какие ещё кексики? – шёпотом возмущалась Маргарита перед построением. – Тебе школы мало? Тебе библиотеки мало? Ты лучше нашивку нормально пришей, оторвётся, опять выговор получишь! Кексики ей!

И всё-таки она пошла следом за Леной, и после школы, перед швейкой, они стояли в фартуках и косынках и раскладывали тесто по формам. Лена напевала:

---

² Здесь и далее до конца главы – текст песни «Десятый вальс» группы «Немного Нервно», слова и музыка – Екатерина Гопенко.

³ Воспитательная колония.

⁴ В тюремной иерархии – заключённые, открыто сотрудничающие с администрацией, а также состоящие в секциях самодеятельности заключённых.

*Так легко, как будто ночь
Твоя – непосильный груз.
Я ещё вернусь.*

И Маргарита опять чувствовала то самое: разрывалась между желанием вслушаться и спрятаться, словно это был очень яркий, очень чистый свет. Она и не думала раньше, что так может быть с музыкой, да ещё в кухонном грохоте, звоне, когда руки в тесте.

*Так легко, как будто гладь
Морей поглотила вас,
Мы танцуем вальс.*

– Я иногда думаю, – чуть покачиваясь в такт мелодии, шепнула Лена, – что эта песня как переданное вперёд добро. Ну, как мы яблони посадим, а яблоки будет есть кто-то другой, позже. Я её услышала ещё до всего, до колонии... Я тогда просто слушала, ещё не знала, что она вот такой станет для меня, будет вытягивать. Как чья-то рука из будущего.

– Лен, за что ты тут? – Вопрос прозвучал резко, не к месту, но Маргарита не выдержала, зацепилась за Ленино «до колонии». Она уже не раз спрашивала, но Лена так ловко уходила от темы, что Маргарита и не настаивала: в конце концов, у каждой свои татуировки. Но вот, не выдержала.

Лена залила остатки теста в последнюю форму. Ответила следующей строчкой:

– А в промежутках становится жутко – прости, дорогая, мне некуда больше идти.

И снова Маргарита ничего не узнала.

* * *

Чем дольше она смотрела на Лену, тем отчётливей видела лезвие, по которому та бежит. Лена, сверкая глазами, обличала мелких, которые после дежурства швыряли консервные банки за стену:

– Что, свинья, да? Свинья? Иди ещё одну банку брось и хрюкнуть не забудь!

Лена отговаривала Аню из десятого лезть на стену. Это расценивалось как попытка побега, за такое прибавляли срок. Если бы прибавили Ане – по возрасту увезли бы во взрослую колонию. Туда её родителям было ближе ездить на свидания.

– Аня, ты между небом и землёй выбираешь. Либо терпишь ещё полгода без свиданий и выходишь, либо ещё три года на взрослой зоне со свиданиями. Ты дура? Ань, ты реально дура?

Лена шла стыдить девятиклассниц во главе с Ижкой за то, что издевались над котом, рождённым на зоне:

– Вы забыли три вещи, дамы. Первое: тут камеры. Второе: то, что вы ему уши прокололи степлером, стоит от пяти до пятнадцати тысяч. Это не я придумала, это в КоАПе написано. За сколько вы столько зарабатываете? За полгода? Вот и будете расплачиваться полгода, заодно в ШИЗО поскучаете за то, что степлер свистнули. Третье: я умею писать и помню, где стоит ящик для обращений. Так что не надо думать, что это блеф.

Маргарита, когда могла, ходила за Леной тенью, чтобы вовремя оттащить, прикрыть. В гневе у Лены отказывали тормоза. Маргарита уверяла себя, что просто не хочет, чтобы однажды Лена тоже вытолкнула кого-нибудь из окна.

Весной она следом за Леной написала заявление на сдачу экзаменов. Русский, математика, обществознание – Лена собиралась на юридический.

...Такая яркая, такая зелёная получилась весна, даже здесь, в рамке из колючки. И за всеми делами – школа, швейка, кексики, Ленины стычки с несправедливостями – было почти некогда думать о себе и о прошлом.

*А в промежутках становится жутко —
Прости, дорогая, мне некуда больше идти.
Господь, как водитель последней маршрутки,
Ещё далеко, но я знаю, что точно в пути.*

Временами Маргарите казалось, что Лена – пришелец из другого мира. Всеми этими песнями, кексиками, яблонями она держится, но скоро оторвётся и улетит. От этой мысли окатывало холодом, очень страшно было снова остаться одной. Без Ленкиного птичьего голоса, без руки из будущего, из которого едет эта запаздывающая маршрутка.

* * *

Экзамены они не сдали, как и не посадили яблони. Маргарита завалила, а Лену в гипсе – снова схлестнулась с активистками – никуда не пустили. Лена видела, как они били стёкла в подвале. На угрозы, попытки подкупить и заткнуть не реагировала, заявила, что обо всём расскажет надзирателям. И рассказала. Но активистки, перед тем как отправились в ШИЗО, подкараулили её у хозблока и набросились.

Маргарита услышала шум ещё от дверей. Ругая себя – нельзя было Ленку отпускать, дура, вот дура, она пять метров спокойно пройти не могла, а? – пошла, потом побежала на голоса.

Их окружили кольцом между сараями и помойкой: Лену и трёх девок-стукачек из активисток, которые сотрудничали с администрацией – следили за порядком и били за всё подряд. Проталкиваясь, в щели между спинами Маргарита разглядела, как мелькают чужие ноги, молотят воздух и что-то внизу на мёрзлом асфальте. Аня сказала:

– За подвал бьют. – Хотя было и так понятно.

– Не. За то, что в каждой бочке затычка.

– Лезет поперёк всех, вот и огребла.

– Да она тут сама главная активистка, блин.

Никто не кричал: активистки работали молча, а Лена только охала при каждом ударе. Маргарита, тяжело дыша, прорвалась наконец вперёд и застыла. Картина была не новой: тело на асфальте и кровь.

Лене с размаху заехали ботинком в бок. Что-то хрустнуло. Кто-то сплюнул:

– Ёб твою мать!

Кто-то советовал:

– По голове не бей.

Лена попробовала подняться и получила кулаком в лицо. Маргарита дёрнулась вперёд, чья-то рука ухватила её за локоть:

– Куда лезешь? Это их разборки!

Маргарита вырвала локоть, но ноги стали свинцовыми. Не получалось шагнуть.

– Сдохнешь! – зашипела Лене одна из активисток. – Думаешь, умная? Думаешь, умная, блядь?

Маргарита стояла не двигаясь, а внутри вскипало прошлое, она видела перед собой Галю, её подпевалы галдели вокруг. Маргарита задыхалась, будто её саму пнули в бок.

– Застремалась, Ритка? – бросила Галя и рассмеялась прокуренным резким смехом. – Зассала? Боишься, что УДО не дадут?

Всё снова было как в толще воды, в мутном пузыре, а та девка, которая вроде была поспокойнее остальных, поднимала теперь кирпич. Откуда он тут? Ровный какой, мелькнуло в мыслях.

– Она ж убьёт её! – ахнул кто-то.

Маргарита, преодолевая себя, не шагнула – почти толкнула себя вперёд. И поняла, что стоит на месте. Ещё одна Галя. Ещё раз там, в тупике коридора возле окна. Лена перешагнула черту, а Маргарита застыла.

Заорали, засвистели сзади, все бросились врассыпную, только Лена осталась на асфальте, лицо в крови, с налипшими волосами. У неё были раскинута руки, как будто она даже не пыталась закрыться, а собиралась прыгать куда-то в другой плоскости.

Кто-то рывком отодвинул Маргариту, Лену окружили, потащили куда-то. Маргарита смотрела на тёмное пятно на асфальте. Прошлое наплывало, нагибалось к земле.

Она всё пыталась спасти Лену от чего-то, что бродило рядом, – сама не понимала от чего. Какое-то чудовище, оно дышало в потёмках, рыскало по колонии, по всему миру. Против него, во всех его лицах, как будто была одна Лена. И Лена не испугалась, не спряталась, когда оно вышло на свет тремя активистками. А Маргарита застремалась. Зассала. Потому что УДО обещали. Потому что Лена простит. Потому что она трусливая Рита, мразота, чмо.

Все уже разошлись, а её выворачивало раз за разом на то место, где Лену били.

* * *

Когда Лене стало лучше, её перевели в общий лазарет. В первый же день Маргарита зашла к ней вечером, сразу как отдежурила по кухне. Лена лежала, глядя в окно. За решёткой качались ветки и сгущались сумерки. Она была вся в бинтах, левая рука в гипсе, полголовы острижено. Царапины на лице схватились коркой, и выглядело это жутко.

– Э-эй. Лен.

Лена повернула голову. Маргарита осторожно присела рядом, стараясь, чтобы матрас не дёрнулся. Ей сказали, Лене до сих пор колот обезболивающее: сломаны три ребра, рука, челюсть, повреждены коленные чашечки. Лена рвалась на экзамен даже в таком состоянии, но из-за лекарств в голове стоял туман – так она написала Маргарите, когда смогла держать ручку.

– Приветик.

Где-то высоко была приоткрыта форточка. В лазарет доносились запах дождя и шум с дороги. Ветки мотало ветром, по стенам прыгали тени.

«Ты тут как?» – хотела спросить Маргарита, но сказала совсем другое:

– Ты мне так и не рассказала, чем песня закончилась. Про маршрутку.

Лена пошарила глазами по потолку, будто искала там текст. Пообещала:

– Я тебе напишу потом. Завтра.

– Завтра, – кивнула Маргарита. Слово было как заклинание, что Лена точно напишет. А ещё как камушек во рту. Ещё пятьдесят четыре «завтра», всего пятьдесят четыре дня, и...

Ей все говорили: не считай. Но оно как-то само считалось с тех пор, как сказали, что получилось с УДО. Несмотря на то что экзамен завалила. Кексики помогли – адаптация, позитивная деятельность. И ещё Мирра вроде как поспособствовала, собирала какие-то документы.

Маргарита пыталась оправдываться перед собой: влезла бы тогда, вступилась – ничего не изменилось бы, обе бы огребли, а об УДО и речи бы не было, и Миррины усилия бы тоже пошли прахом. Мысленно огрызалась, спорила с внутренним голосом, который оказывался иногда голосом Лены. Бесилась. Шла в ларёк, покупала на деньги со швейки конфеты, передавала в лазарет. Не знала, что ещё может сделать.

Она и теперь не знала. Нашупала Ленину руку под одеялом:

– Спи давай. Выздоровливай.

– Ага.

– Ну... пойду, что ли. – Поднялась. Сглотнула. Снова села. – Лен. Лен, прости.

Лена вздохнула. Тихо спросила:

– Ты из-за драки, что ли?

Маргарита не ответила. Не смогла ответить: было стыдно и грязно.

– Это же механизм жестокости. – Лена шевельнулась, пробуя достать руку из-под одеяла. – Он показывает, как бывает, когда все просто стоят и смотрят. Ты одна бы ничего не сделала.

– Но ты же пыталась сделать. Одна, – выдавила Маргарита.

Лена усмехнулась, скривилась от боли и ответила так же, как тогда в кухне:

– Прости, дорогая, мне некуда больше идти.

Она продолжала упорно вытаскивать руку из-под одеяла. Побледнела, на лбу заблестел пот. Маргарита хотела помочь – и не стала: не было у неё на это права после того, как она не помогла *там*. Лена сама вытащила наконец руку и потянула к ней.

– В смысле – некуда? – пробормотала Маргарита. – Лен, ну ты чего? Выздоровеешь. Вернёшься. Что за упаднические настроения? Освободишься, потом домой...

Лена не спорила. А Маргарита подумала, что так и не знает, за что Лена сидит. Сколько ещё ей. Может, она не домой поедет отсюда, а во взрослую колонию. Может, она вообще говорила не об этом – «некуда больше идти». Стало страшно, когда Маргарита представила, о чём это может быть. Это было как будто признать вслух беду.

– Я тебе нашивку нормально пришила. Теперь не отвалится.

– Спасибо.

Через неделю Лену навестили отсидевшие в ШИЗО активистки. После их визита её быстро перевели в вольную больничку. Маргарита получила письмо.

«Я тебе не дообъяснила про пропасть и шар. Шар – это всё вокруг, все мы, весь мир. Он катится в пропасть. Мы не можем остановить это – остановить это может только чудо. Но мы можем попробовать задержать падение, чтобы чуда дожидаться».

Дальше шёл список учебников, которые Маргарита должна достать, если хочет передавать общагу. В конце была приписка:

*Приводи свои стада
Ко мне, как на водопой,
Я ещё живой.
Позови своих детей
Ко мне, если те не спят, —
Видишь, я распят.*

Маргарита сначала подумала, что это какие-то Ленины стихи. А потом поняла, что это окончание песни про маршрутку. Она называлась «Десятый вальс». Маргарита дочитывала, а в голове Ленин голос напевал негромко, долетая из лазарета:

*Покажись, как силуэт
Вдали, если хватит сил...
Я тебя любил.
Так легко, как будто соль
Земли поглотила вас,
Я играю вальс.*

Маргарита слушала и думала: к кому обращалась Лена? За что она села? Почему одиночество и страх такие огромные, почему люди такие крохотные по сравнению с ними? И никто в мире не мог сказать, кончится ли это хоть когда-нибудь.

* * *

Как только установилась погода, Маргарита пошла раскапывать лунки у хозблока. Приходилось то и дело отгонять кота – он всё норовил прыгнуть на лопату. Пот катил градом, Маргарита не столько копала, сколько разбивала мёрзлую землю. Только идиот сажает яблони зимой – но очень важно было сделать это быстрее, чтобы Лена выздоровела.

Маргарита искала в библиотеке что-то по садоводству, но нашла лишь, что сажать надо весной или осенью, в остальное время для саженцев это стресс, меньше шансов прижиться. Подробных инструкций тоже не было, поэтому сажала так, как казалось верным. Воткнула в ямы деревянные палки, поставила рядом саженцы, расправила корни. Это были уже не те, что они не посадили в прошлый раз. Ленины родители привезли новые, когда приезжали к Лене в больницу. Тоже, блин, придумали: притащили зимой.

Маргарита привязала саженцы к палкам, присыпала землёй и полила. Закончив, посто-яла, разглядывая берёзы над проволокой и грязь под ногтями.

Вечером тридцатого «завтра» она говорила по телефону с Леной. Лена была бодрa, рассказывала, что познакомилась с соседкой по палате – криминалистом. Говорила, что будет пересдавать обществознание на следующий год. Спрашивала, как кот. Маргарита сказала, что кот в порядке и что она посадила яблони.

Сорок третьего «завтра» ей передали, что Лена умерла в больнице: что-то с почками, осложнения после травмы. Это было так резко, так нереально, что Маргарита не могла взять в толк: как так? Лены нет. Лены больше нет. Да не может такого быть. Перепутали что-то. Срок кончился, и родители забрали. Или сбежала – Лена терпеть не могла больницы, она сама говорила. Не может такого быть, что Ленки нет. Голос же есть.

Утром пятьдесят четвёртого «завтра» Маргарита пошла к хозблоку. Три яблони под-сохли, но вроде держались. Она положила ладонь на ствол четвёртой, стараясь не нажимать сильно. Ствол был шершавый, к нему прилипли какие-то крошки, под корой ворочались соки. – Чёрных? Остаться решила? – окликнула воспитательница.

Уйти означало окончательно согласиться, что Лены нет. У Маргариты как будто кусок выдирали из сердца при этой мысли. Но что она могла сделать?

Она внимательно посмотрела на яблоню, запоминая. Пошла за вещами.

*А в промежутках становится жутко —
Прости, дорогая, мне некуда больше идти.
Любовь, как водитель последней маршрутки,
Ещё далеко, но я знаю, что точно в пути.*

4

Ошейник

Электронный пропуск. Дверное стекло с трещиной. Доска с расписанием и крашенные скамейки вдоль стен. Новая школа была ещё старше, чем прежняя. В холле пахло тряпками и хлоркой, в рекреации висели выцветшие фотообои с берёзами, на лестничных пролётах под ногами скрипел коричневый кафель. И всюду толпы людей. Слоняющихся, бегущих, кричащих.

Маргарита ненавидела давку в раздевалке, приходила за полчаса до первого урока – повесить куртку, пока никого нет. Уходила, когда последний урок давно заканчивался, – чтоб забрать куртку, когда в раздевалке пусто. Одевалась и медленно шла в цветочный.

Скрип кроссовок по линолеуму. Эхо и стук мяча в спортзале. Хлопанье дверей. Крики и хохот, звонки мобильных, постоянная лента клипов на чужих телефонах. Дребезжащий, ввинчивающийся в мозг звонок.

После упорядоченной колонии звуки били по ушам, всё мелькало, кружилась голова. В первые дни Маргарита шарахалась от людей, забивалась в угол на переменах. В классе устроилась за предпоследней партой у стены. Села бы за последнюю, но там обитал местный чудик, весь в перхоти и вонявший пóтом.

Скрип маркера по доске. Крошки мела. Ветер, врывающийся в открытую форточку. Грязно-жёлтый тюль, встающий парусом, и облупленный подоконник. Запах макарон с подливой.

В библиотеке ей выдали учебники, которые из-за года издания сильно расходились с теми, что были у одноклассников. Маргарита смотрела в правила и параграфы и не понимала ничего. Числа двоились, мысли путались. Одну из одноклассниц звали Галя. Когда её вызывали к доске, Маргарита вздрагивала, слышала: Гляибля.

На неё почти не обращали внимания, в основном сторонились – словно её не было. Только учителя говорили «Чёрных» во время переключки. Всё. Может, им дали такое указание: не трогать её. Может, считали прокажённой, в конце концов, все в классе знали, откуда она пришла. Иногда Маргарите казалось, что на неё оглядываются, показывают пальцем, когда она не видит. Шепчутся, когда не слышит.

Ей было всё равно. Она была счастлива, что за ней не следят, не трогают. Она шла в школу – и не было конвоя.

* * *

Скрип и металлический звон входной двери. Запах затхлого и осеннего в прихожей – что-то вроде грибов и подгнивших яблок. Слабый свет из маминой комнаты, витражное стекло, бычки в пепельнице на комодке под зеркалом. Стук бело-жёлтых бусин на шторе, шаги, тёмный коридор, шкаф, похожий на гроб.

Дома было хуже. Мать почти не разговаривала, много пила, совсем как в прежние времена, засыпала иногда, пьяная, на унитазе. Отчим её бил. Попытался избить и Маргариту – за прошлое. Когда он подошёл в первый вечер, толкнув перед собой волну перегара, Маргарита оскалилась:

– Не подходи.

– Ты у меня деньги спёрла, сучка.

Надо же. До колонии он держался как-то, сучкой её не обзывал. И мать не обзывал. Что тут у них случилось за эти годы?

Маргарита ответила – хотела, чтобы звучало холодно и спокойно, но голос всё равно дрогнул:

– Я не трогала.

– Спёрла, – протянул отчим. – Спё-орла.

– Я не трогала твоих денег!

Отчим занёс руку, и Маргарита отреагировала любимым приёмом слабой и мелкой Лены: прыгнула вперёд и вцепилась в чужую ладонь зубами. Отчим стряхнул её, как тряпку. Она отлетела к стене, ударилась о стол.

Закричала мать, а отчим стоял, покачиваясь, ошарашенный: раньше она только убегала, не нападала. Маргарита вскочила. Вдохнуть получилось не сразу, но всё-таки получилось. Она вцепилась в стол и замерла, боясь дёрнуться: злоба шевелилась внутри, раскаляясь. Поднимала голову, как змея. Нельзя было выпускать её. Нельзя, чтобы снова случилось, как с Галей.

– Ты должна тише воды ниже травы быть, – говорила Мигрень, когда они ехали из колонии. – И дома, и в школе. Никаких драк, никаких скандалов. Про УДО не забывай!

Было бесполезно объяснять, что это отчим. Бесполезно пытаться вырваться или защититься. Вырваться Маргарита могла только в одно место – обратно. У УДО было четыре условия: жить дома, раз в месяц отмечаться у инспектора ПДН⁵, нормально учиться и не отсвечивать.

Зато не было конвоя.

* * *

Сладковатый прохладный запах лилий. Тяжёлый, холодный – роз. Резиновый влажный звук, с которым открывается холодильник. Сломанные хризантемы. Земля в горшках. Запотевшие стёкла, контейнеры и ножи.

В цветочном было лучше, чем дома и в школе. Маргарита сметала щёткой обрезанные стебли, листья, плёнку. Мыла полы, стёкла холодильника и окна. Вытирала пыль со столов и зеркал. Раз в неделю драила с раствором флористический стол и микроволновку в комнатке за салоном. Отмывала «Кристафлором» контейнеры, ножи, секаторы и очиститель стеблей.

Магазин назывался «Цветочный дворик». Маргарита называла себя «цветочный дворник». Иногда её посылали ломать ветки лиственницы в сквере за магазином, чтобы добавлять их в букеты.

По дороге домой Маргарита стояла на светофоре, рассматривая небо. Полосы заката. Птицы. Чей-то смех, голоса, грязный кофейный запах, вьевшийся в волосы. Жирная чёрная весенняя земля на ботинках. Окна квартиры. Тоска, прохладная, как запах в цветочном. Пустота, гулкая, как эхо в спортивном зале. Налёт и страх, как першение в горле, как накипь в чайнике.

На алгебре Маргарита вырвала из учебника схему с гиперболой на координатной плоскости. Закруглила верхнюю ветвь, дорисовала пряжку. Получился ошейник. Вечером она набрала Ижку, которая научила её набивать партаки, а вышла месяца за три до Маргариты, ещё когда Лена была жива.

– Привет. Сможешь набить ошейник?

Ижка согласилась. Вечером, закончив мыть пол во «Дворике», Маргарита, не заходя домой, пошла к ней. И не было конвоя.

---

⁵ Инспектор по делам несовершеннолетних.

5 Бабочка

Маргарита проснулась оттого, что затекла шея. Противная и тяжёлая головная боль, слюна из уголка рта. Маргарита осторожно потрогала языком губу: кровь запеклась, но всё ещё больно.

За окном серело. Сумерки? Утро? Сколько прошло времени?

Она перевела взгляд на часы. Начало восьмого. Значит, прошло полночи. И значит, отчим уже ушёл. При этой мысли как будто даже голову отпустило. Маргарита попробовала встать, но, охнув, тут же села обратно на шершавый линолеум. Нога тоже затекла, и теперь по ней разбегались иголки. Маргарита, втянув воздух, принялась массировать коленку. Левая рука побаливала – всё-таки неплохо отчим вчера приложил. Может быть, если пойти к Мигрени, она даже сможет что-то сделать. Только вот что? Лишит отчима родительских прав? Формально он ей и так никто.

Ногу всё ещё кололо. Маргарита попробовала встать, опираясь на кухонный гарнитур. «Гарнитур». Набор с трудом склеенных шкафов, липкий стол, крошки в щелях и неоттираемая плита. Гарнитур. Гармония.

В квартире было тихо: видимо, мать проводила отчима и легла обратно. Маргарита поставила чайник, вышла из кухни и плотно прикрыла дверь. Скользнула в ванную, включила свет и отшатнулась от зеркала. Сжала губы и принялась яростно расчёсываться. Затем пустила воду. Задержала дыхание, набралась смелости и плеснула в лицо. Скулы, бровь и губы словно обожгло. Да, неплохо приложил отчим.

Вернувшись в кухню, Маргарита наскоблила в морозилке лёд. От него пахло чем-то затхлым, но она всё равно приложила ледышки к лицу, хоть и было, наверное, уже поздно. Налила чаю – в сахарнице было пусто, в хлебнице тоже. Что ж, зато, как оказалось, в новой школе очень даже съедобные бесплатные завтраки. Для учеников из социально не защищённых слоёв населения.

Маргарита на цыпочках прошла в комнату, взяла джинсы и свитер. Напоследок ещё раз заглянула в кухню – проверить, выключила ли чайник.

Мятое нестираное полотенце на ручке духовки, чашка с засохшими остатками чая. Тёрка, солонка и доска, на которой вчера отчим резал хлеб на котлеты. До того, как начал делать котлету из Маргариты.

– Время видела? Ещё раз явишься после двенадцати, я тебе зубы повывиваю!

– Тебя не спросила, когда мне приходиться!

– Тебе сколько лет-то, чтоб так с отцом разговаривать? Шляешься где попало, кофе пьёшь, цветы продаёшь – что, больно самостоятельная стала, поучать можешь? Хочешь жить по своим правилам – пиздуй отсюда!

Накануне в «Цветочном двореке» был большой свадебный заказ, к концу дня магазин напоминал помесь оранжереи и помойки. Маргарита не успела подмести до закрытия, а хозяйка, Оля, пообещала накинуть, если она останется и уберётся. Маргарита осталась. Смела в мешки ленты, огрызки упаковки, обкорнанные стебли и листья. Продезинфицировала столы, прибралась в холодильнике и на полках. Погасила свет и завернула по пути домой в «Семью». Дома никакой семьи не было, но можно было получить сублимат в неопрятной тихой кофейне на Ленина – всего за девяносто девять рублей, по цене самого дешёвого капучино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.